

Раздел пятый

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА

В. С. Малахов,
кандидат философских наук.
Институт философии РАН

"Национальный вопрос" и гражданское общество

Выражения "национальный вопрос", "национальные отношения", "национальная политика", бытующие в российском обществоведении, плохо конвертируются в процессе международного научного обмена. Их прямой перевод на европейские языки чреват недоразумениями.

Мне думается, это не случайно. Категориальный аппарат, которым пользуется отечественная социальная наука в области так называемого "национального вопроса", достался ей в наследство от обществоведения советской поры¹. В частности, от так называемой "марксистско-ленинской теории наций", в которой было не слишком много теории, зато много идеологии. Прибегая сегодня к языку догматического марксизма-ленинизма, мы очень рискуем. Ибо этот язык тянет за собой тяжелейший шлейф непроясненных значений, что обязательно скажется как в невнятности теории, так и в невнятности политической практики.

Что, например, означают выражения "национальные отношения" или "национальные проблемы"? Под эту рубрику в сложившемся на сегодняшний день словоупотреблении подпадают проблемы:

---

¹ Хотя само выражение "национальный вопрос" появилось более чем полтора столетия назад (означая борьбу этнокультурных сообществ за политический суверенитет), в международном научном обиходе последних десятилетий оно употребляется не часто. В основном его используют авторы марксистской направленности, рассматривающие борьбу за "национальное освобождение" как часть классовой борьбы. См., например: *Blaut J. National Question: Decolonizing Theory of Nationalism. Atlantic Highlands (NJ), L. Zed Books, 1987.*

— предотвращения дискриминации граждан по этническому признаку (то, что в международной литературе обозначается как ethnic minorities problem);

— защиты прав аборигенных (коренных) народов, т.е. групп, выживание которых связано с сохранением природной среды обитания;

— культурного развития этнических меньшинств;

— отношений между федеральным центром и субъектами федерации, сформированными по "национально-территориальному" основанию;

— регулирования миграции;

— безопасности;

— борьбы с преступностью.

Работники правоохранительных органов, попавшие под обаяние категории "национальные отношения" (точнее, сделавшие данный концепт регулятивом своих действий), начинают решать не свойственные им задачи. Следственные органы МВД, вместо выявления и задержания лиц, совершивших правонарушение, начинают заниматься предотвращением обострения межнациональных отношений¹. В то же время нежеланием вторгаться в деликатную сферу "национального вопроса" правоохранительные структуры часто мотивируют собственное бездействие.

Как получилось, что столь невнятный понятийный аппарат оказался столь живуч? Вряд ли это объясняется живучестью догматов советской идеологии. На мой взгляд, причина кроется в воспроизводстве навыков мышления, которое можно обозначить как этноцентричное, или для краткости как этноцентризм.

Этноцентризм, в том смысле в каком здесь употребляется этот термин, есть восприятие социальных отношений в этнических терминах. Структура общества предстает в результате как состоящая из "народов", или "этносов", а последние, в свою очередь, мыслятся как коллективные личности, выступающие носителями интересов, субъектами прав и т.д.

Этноцентризм пронизано и наше обыденное сознание, и сознание политических элит, и, что особенно печально, наш академический дискурс. Здесь нет места останавливаться на том, как российское академическое сообщество участвует в (вос)производстве этноцентризма². Выделим лишь несколько характерных черт этноцентричного видения социальной реальности.

¹ Мы все были свидетелями этой практики в октябре 2001 г. в связи с погромом в Царицыно, когда представители милиции на следующий день после случившегося стали обходить квартиры мигрантов с Кавказа, с тем чтобы узнать, не собираются ли те совершить ответные насильственные действия против русских. В результате из более чем 150 (по другим оценкам, около 300) погромщиков были задержаны чуть более 20, большинство вскоре отпущены, осуждены четверо.

² См. об этом подробно: *Малахов В.* Преодолимо ли этноцентричное мышление? // *Расизм в языке социальных наук* / Под ред. В.Воронкова, С.Х.Карпенко, А.Осипова. СПб.: Алетейа, 2002. С. 9—22; а также избранные части дискуссии на одноименной указанному сборнику конференции (Там же. С. 153-221).

Это, во-первых, превращение аскриптивных характеристик индивидов в фундаментально-антропологические, или, выражаясь проще, вера в то, что этническая принадлежность *естественна*. Во-вторых, это отождествление этнической принадлежности с культурной принадлежностью. Предполагается, что, принадлежа определенной этнической группе, индивиды тем самым принадлежат определенной этнической культуре. И хотя то, какой культуре индивиды действительно принадлежат, определяется способом их социализации, этноцентричная логика а priori рассматривает их как агентов определенной культуры. Наконец, в-третьих, это истолкование культуры в фольклорно-романтическом ключе. Культура здесь — не символическая система, кодифицированная в институтах и обеспечивающая коммуникацию в рамках общества, а совокупность образов, открываемых нам этнографами¹.

Усваивая этноцентричную логику, индивиды переживают либо своего рода комплекс неполноценности, либо своеобразную манию величия. Так, подпадая под влияние этой логики, граждане России, называющиеся русскими, чувствуют себя обездоленными. Получается, что у всех есть "своя" культура (татарская, чувашская, вайнахская и т.д.), и только у русских ее нет. Следовательно, русскому народу надо последовать примеру других народов и заняться возделыванием своей, отдельной и самобытной, этнической культуры. Именно в рамках такой логики появляются законотворческие инициативы типа "Закона о русском народе" и организации вроде "Ассоциации по комплексному изучению русской нации".

Вполне понятное следствие фольклорно-романтического представления о культуре — установление прямой связи между этнической и конфессиональной принадлежностью индивидов. Татарин или балкарец — значит мусульманин, русский или белорус — значит православный, калмык или бурят — значит буддист. Отклонения не приветствуются.

На мой взгляд, этноцентричная логика в конечном счете влечет за собой социальную дезинтеграцию. Общество делится на множество сегментов, распадается на ряд взаимно изолированных этнических (этнокультурных или этноконфессиональных) сообществ, которые должны устанавливать между собой некие отношения, строящиеся либо по модели диалога (межкультурного или межнационального), либо по модели конфликта (опять-таки межкультурного или межнационального). Здесь и появляется необходимость в инстанции, выполняющей функцию медиатора, посредника между этническими сообществами — инстанции власти. Продуктивное взаимодействие народов требует контроля, т.е. "регуляции межнациональных отношений".

Во избежание недоразумений позволю себе в заключение первой части статьи высказать одно соображение методологического свойства.

---

¹ Такой образ культуры пропагандируется, например, журналом "Этносфера"

На мой взгляд, многие неясности и мистификации, связанные с так называемым "национальным вопросом", рассеялись бы, если бы мы как исследователи четко разводили два уровня проблематики — *суверенитета* и *идентичности*. Один вопрос — из чего складывается некоторая общность, какие исторические, культурные, социально-психологические факторы делают некоторое множество людей общностью. Совсем другой вопрос — согласно какой форме власти и авторитета эта общность должна управляться.

II

Категории, используемые обществоведами для классификации социального пространства, суть одновременно категории разделения этого пространства, используемые социальными акторами. Инструменты, которые представители академического и экспертного сообществ применяют в аналитических целях, могут быть применены и применяются в политических целях. Это либо а) цели закрепления сложившихся отношений господства (в том числе — символического, осуществляемого посредством определенной системы знания), либо б) цели перераспределения власти, либо в) получение преимуществ в доступе к социальным ресурсам.

К числу категорий, функционирующих одновременно и как теоретические, и как практико-политические инструменты, относятся "этничность", а также родственные этой категории понятия "этнос", "нация", "идентичность" (этническая, этнокультурная, этноконфессиональная).

Но если понятия, на которые мы смотрим как на категории анализа, суть прежде всего категории практики, то их аналитический потенциал не может не вызывать серьезных сомнений.

В самом деле, почему понятие "нация" в российском языковом обиходе употребляется преимущественно в этническом, а не в гражданско-политическом значении (причем это свойственно как обыденному языку, так и академическому дискурсу)? Можно ли объяснить это обстоятельство, указав на особенности интеллектуальной традиции? Вряд ли. Любую традицию можно сломать. Проблема лишь в том, есть ли у групп людей, обладающих для этого ресурсами, такое желание.

Ужасы этноцентризма, которые я описал выше, продолжают воспроизводиться и, по-видимому, еще долго будут воспроизводиться не столько в силу гносеологических или культурно-исторических причин, сколько в силу того, что в обществе существует значительное число акторов, *нуждающихся в этнической категоризации социального пространства*.

Можно выделить четыре группы таких акторов:

— часть федерального истеблишмента, пользующаяся этническими разделителями для удобства управления (согласно издавна апробированной формуле *divide et impera*);

— часть политических элит субъектов федерации, образованных по национально-территориальному принципу. Эти люди или находились в высших структурах власти в советское время, или попали туда позже на волне "национально-культурного возрождения", они объективно заинтересованы в сохранении этнической государственности — такого политического порядка, а иногда и *de jure*, привилегированы по отношению к членам негитульных этнических групп;

— этнопредприниматели из числа так называемых "внесистемных активистов" (термин В.Тишкова) — группы, будирующие "национальный вопрос" в попытке изменить сложившиеся отношения господства. Впрочем, эти активисты довольно часто переходят из внесистемных в системные — как то случилось, например, с некоторыми лидерами татарских ультранационалистических организаций "Милли Меджлис" и "ТОЦ", вошедших в состав Госсовета Республики Татарстан, или с русскими шовинистами, осенью 2002 г. зарегистрировавшими свою партию (НДПР) на федеральном уровне;

— общественные организации и объединения, образованные по этническому признаку, — от "Ассамблеи российских народов" Р.Абдулатипова и "Конгресса национальных объединений России" А.Руденко-Десняка до многочисленных национально-культурных автономий (НКА), действующих на территории мегаполисов. Лидеры НКА, как правило, пользуются поддержкой муниципальных властей, которые предпочитают иметь дело с официальными (ими самими отобранными) представителями "народов", чем с реальными группами трудовых мигрантов и вынужденных переселенцев. Лидеры НКА, какой бы риторикой они ни пользовались, объективно заинтересованы в этнической категоризации социального пространства. Возглавляемые ими объединения представляют собой *этнические группы* в строгом смысле этого слова — в отличие от групп, образуемых мигрантами, которые для внешнего наблюдателя предстают как "этнические", хотя в действительности представляют собой сети взаимопомощи и формируются не только и не столько по этническому признаку¹.

В заключение второй части статьи сформулирую тезис. На мой взгляд, внимание исследователей, занимающихся "этнополитической" проблематикой, должно быть сосредоточено не на идеологических артефактах ("национальный вопрос", "межнациональные отношения" и т.д.) и не на психологических аспектах социального взаимодействия ("уровень межэтнической толерантности" и т.д.), а на анализе *рамочных условий*, в которых действуют социальные акторы, а значит, в конечном счете — на исследовании политических и правовых институтов, определяющих поведение индивидов и групп.

---

¹ См. об этом подробнее: *Воронков В.* Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С.Малахова, В.А. Тишкова. М: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 44-45

III

Представляется более или менее очевидным, что этноцентричный дискурс плохо увязывается с либерально-демократическим и что чем большее распространение этноцентризм приобретает, тем меньшими становятся шансы на формирование гражданского общества. К сожалению, приходится констатировать, что в последние годы в России наметились устойчивые тенденции *этнизации публичного пространства*. Я имею в виду попытки акторов разного уровня построить социальную солидарность на этническом фундаменте.

Когда весной 1999 г. в некоторых регионах Центральной России собирали добровольцев для поддержки сербских братьев по крови и по вере, а в Татарстане и Чечне формировались аналогичные отряды в поддержку косовских единоверцев, это воспринималось в обществе скорее как экстравагантность (и в целом так же преподносилось средствами массовой информации). С тех пор, однако, движение в сторону подмены *гражданской общности общностью происхождения* заметно усилилось.

В риторике политических элит национальная солидарность все чаще дефинируется в этнических — этнокультурных или этноконфессиональных — терминах. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на некоторые законопроекты и уже принятые законы¹, взвешать в концептуальные допущения иммиграционной

---

¹ Помимо откровенно одиозного проекта "Закона о русском народе", с инициативой которого выступает часть депутатов Государственной Думы и которую горячо поддерживают журналисты и обозреватели из телепрограммы "Русский дом", стоит обратить внимание на недавно принятые законы о гражданстве и об иностранцах. Новый закон "О гражданстве РФ" лишает права быть гражданином России сотни тысяч (официально порядка 400 тыс., по оценкам независимых экспертов — до 1,5 млн) людей, фактически интегрированных в общество, но не соответствующих установленным бюрократией формальным требованиям. Правда, рестриктивные положения этого закона бьют не только по представителям этнических меньшинств, но и по этническим русским, имевшим несчастье не выправить нужных документов после прибытия в Россию из Средней Азии, Молдавии, Украины или из Закавказья. Но наиболее уязвимыми перед лицом этого закона оказываются именно этнические меньшинства — грузинские беженцы из Абхазии, армянские беженцы из Баку, турки-месхетинцы из Узбекистана и Киргизии, курды, которых отсылают на "родину" в Азербайджан, и т.д. "Закон о правовом положении иностранных граждан в РФ" также крайне усложняет или вовсе закрывает путь к натурализации в России огромных масс трудовых мигрантов из республик бывшего СССР, нашедших свою нишу на рынке рабочей силы, но не имеющих возможности обрести легальный статус из-за административно-бюрократических препон. О возможностях российского рынка труда и о бюрократических ограничениях — главной причине недоиспользования ресурсов трудовой миграции см. исследования Ж.Зайнчиковской и Г.Витковской в сб.: Миграция и рынки труда в постсоветской России. М.: Московский центр Карнеги, 1998; а также Красинец Е., Кубишина Е., Тюрюканова Е. Нелегальная миграция в России: Выбор стратегии регулирования // Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России / Под ред Г.Витковской. М: Гендальф, 2002 С. 227-259.

политики¹, вслушаться в публичные высказывания некоторых высших чиновников².

Во второй срок президентства В.Ельцина наметился, а с приходом к власти В.Путина закрепился отход государства от *ценностного нейтралитета* — от невмешательства в процесс выбора гражданами конфессиональной идентичности. Этот отход нашел выражение в сближении государственных структур со структурами Русской православной церкви (РПЦ). Государство в лице своих служащих высшего и среднего звеньев отказывается от соблюдения п. 14 Конституции РФ, провозглашающего отделение государства от церкви и равенство всех религиозных объединений перед законом.

Отмеченное сближение находит выражение на следующих уровнях:

— **символический уровень.** Наблюдается множество акций представителей власти, сигнализирующих обществу, кому — какой этноконфессиональной группе — власть принадлежит. Упомянем в связи с этим губернаторов и министров, вступающих в лоно РПЦ с тем же рвением, с каким прежде вступали в КПСС, моду иметь личных духовников, присутствие Президента (впервые за 12-летнюю историю новой России) на Всемирном конгрессе русского народа, участие вместе с православными иерархами министра по делам национальностей В.Зорина в разработке "Концепции конфессиональной безопасности". Отметим смещение в официальной риторике, в которой Россия называется "православной страной", хотя еще совсем недавно и светские чиновники, и православные иерархи, включая Патриарха Алексия II, пользовались выражением "многоконфессиональная страна";

— **уровень законодательной власти.** В течение 2000—2002 гг. на обсуждение нижней палаты парламента выносятся законопроекты, нацеленные на предоставление привилегий одной конфессии (православию), а также на раздел сфер влияния между Московской патриархией и представителями еще двух конфессий, признаваемых "традиционными" для определенных регионов³;

— **уровень исполнительной власти.** В нарушение принципов светского государства во многих субъектах федерации ведется финансирование из местных бюджетов строительства и реконструкции храмов (протест прокурора Воронежской области против соответствующих действий воронежского губернатора относится к

---

¹ Симптоматично появление в речи чиновников, отвечающих за миграционные проблемы, таких терминов, как "этнический баланс" и "этнокультурная безопасность".

² А.Казаков, отвечающий в Совете Федерации за "национальный вопрос", заявил в интервью одной из центральных газет, что турки-месхетинцы, проживающие в Краснодарском крае, имеют склонность формировать жизненный уклад, который носит "противоправный по отношению к русскому образу жизни" характер. См.: Московские новости. 2002. № 30. 6-12 авг. С. 6.

³ Я имею в виду, в частности, инициативы заместителя председателя Комитета по общественным и религиозным объединениям А.Чуева, союзником которого являются А.В.Ниязов и другие политики, выступающие от имени российских мусульман.

числу немногих исключений). Равным образом в нарушение Основного закона структуры РПЦ получают налоговые льготы на ведение коммерческой деятельности. До недавнего времени эти льготы распространялись на торговлю алкоголем и табаком (кстати, включение представителей РПЦ в борьбу с пропагандой пьянства — какую они усмотрели в рекламе пива на телевидении — по времени совпало с отменой налоговых льгот для РПЦ в сфере торговли алкогольными напитками).

Симтоматично в свете вышесказанного и участие власти в лице МИД в антикатолической кампании прошедшего года¹, и укрепление институциональных связей между Министерством обороны РФ и Московской патриархией².

* * *

В одном академическом журнале 1993 г. автор одной статьи пенял своему коллеге на то, что последний назвал Б.Ельцина "лидером нации". В этой формуле автор усмотрел симптом регресса — сдвига от демократического самосознания к этноцентричному. Иными словами, он был обеспокоен тем, что само употребление термина "нация", традиционно понимаемой у нас в качестве "этноса", чреват подменой гражданской, включающей солидарности — эксклюзивной этнической солидарностью. Тогда казалось, что опасения подобного рода напрасны и что пройдет совсем немного времени и под словом "нация" мы будем понимать сообщество граждан, объединенных общей политической культурой. Похоже, однако, что сегодня мы гораздо дальше от этого идеала, чем десять лет назад.